

DOI: 10.22250/2072-8662.2017.4.5-20

Забияко А.П., Миронов М.А.

Культурный комплекс Калиновка: основные результаты археологических исследований 2006–2014 гг.

Аннотация. Статья посвящена результатам исследований археологического памятника Калиновка. В тексте освещаются типологические характеристики и особенности стратиграфических отложений археологического объекта, проводится анализ каменных индустрий, определяются их хронологические рамки и предлагается теоретическая интерпретация предметов археологической коллекции. Калиновка представляет собой культурный комплекс (святилище), включающий наскальные рисунки, ритуальную площадку, жертвенник. Основной культурный слой памятника относится к раннеолитической громатухинской культуре. Уникальность этого памятника громатухинской культуры заключается в том, что он имеет отношение к неутилитарным практикам древних обитателей Верхнего и Среднего Амура. Обнаруженные в ходе раскопок предметы неутилитарного характера позволяют с высокой степенью вероятности предполагать существование верований и практик, направленных на почитание жизни, рождения и возрождения. Такого рода верования и практики репродуктивной магии бытовали в форме мужских и женских культов, опредмеченным выражением которых выступали изображения фаллоса и «венеры». Есть вещественные основания допускать существование в религиозной жизни неолитических таёжных охотников медвежьего культа. Очевидно, эти верования и культы дополнялись ритуалами инициаций и иными практиками, составной частью которых был татуаж. Эмпирический материал, полученный в процессе археологического исследования Калиновки, и его теоретическая интерпретация указывают на высокий уровень развития раннеолитических культур Верхнего и Среднего Амура.

Ключевые слова: Верхний Амур, культурный комплекс, петроглифы, жертвенник, стратиграфия, орудийный набор, эпоха палеометалла, неолит, громатухинская археологическая культура, фаллический культ, медвежий культ

А.П. Забияко

М.А. Миронов

Andrey P. Zabiako, Maksim A. Mironov

The Kalinovka Cult Complex: The Main Results of the Archaeological Discoveries in 2006–2014

Abstract. The article deals with the results of the investigations of the Kalinovka archaeological site. The paper sheds light on the typological characteristics and features of the stratigraphic layers of the archaeological site, provides the analysis of the stone industries, defines their chronological framework and offers theoretical interpretation of the artifacts. The Kalinovka represents the cult complex (sanctuary) including rock paintings, a ritual platform, and an altar. The main cultural layer of the site belongs to the Early Neolithic Gromatukha culture. The uniqueness of this site of the Gromatukha culture is that it relates to non-utilitarian practices of the ancient inhabitants of the Upper and Central Amur. The objects of non-utilitarian character found during the excavation with high degree of probability allow to assume existence of beliefs and practices directed to worshipping life, the birth and revival. Such beliefs and practices of reproductive magic occurred in a form of male and female cults which were expressed in the images of phallus and “Venus”. There are material evidences allowing existence of the bear cult in religious life of the Neolithic taiga hunters. Obviously, these beliefs and cults were complemented with the rituals of initiations and other practices with tattooing as an integral part of them. The empirical data received in the course of the archaeological discovery of the Kalinovka and its theoretical interpretation indicate the high level of development of the Early Neolithic cultures of the Upper and Central Amur.

Key words: Upper Amur, cult complex, petroglyphs, altar, stratigraphy, tool set, Paleometal era, Neolithic, Gromatukha archaeological culture, phallic cult, bear cult

Забияко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории, заведующий Лабораторией археологии и антропологии Амурского государственного университета, ведущий научный сотрудник ИАЭТ СО РАН; Амурская область, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7, каб. 107; sciencia@yandex.ru.

Andrey P. Zabiako – DSc (Philosophy), Full Professor, Head of the Department of Religious Studies and History, Head of the Laboratory of Archaeology and Anthropology, The Amur State University, Leading Research Fellow of Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science; of. 107, build 7, 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Amur region, Russia; sciencia@yandex.ru.

Миронов Максим Анатольевич – научный сотрудник Лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета, археолог Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области; Амурская область, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7, каб. 202; mironovmaksim8@yandex.ru.

Maksim M. Mironov – Research fellow at the Laboratory of Archeology and Anthropology of the Amur State University, archeologist at the Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Amur Oblast; of. 202, build 7, 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Amur region, Russia; mironovmaksim8@yandex.ru.

История изучения археологического памятника

В 1954 г. отрядом Дальневосточной экспедиции под руководством А.П. Окладникова на 406 км левобережья Верхнего Амура были обнаружены наскальные рисунки в устье р. Калиновка. По наименованию речки археологический объект был назван *Калиновка (Калиновская писаница)*.

Местность, где расположен археологический объект, представляет собой лесисто-увалистую долину р. Калиновка, впадающей в р. Амур. Пойма р. Калиновка заболоченная, однако по берегам местами расположены возвышенности («увалы») высотой до 50 м. В районе устья увалы переходят в скальные утесы, поросшие на склонах редколесьем и кустарником. Калиновка представляет собой небольшую, шириной до 10 м и протяжённостью около 4 км реку, берущую начало на марях. Русло реки прямое, питание преимущественно дождевое. Берег Амура в районе устья р. Калиновка скалистый.

В дневнике экспедиции 1954 г. отмечено, что в ходе работ были скопированы найденные рисунки, осмотрены прилегающие к скалам участки берегов, произведена шурфовка на левом и правом берегах р. Калиновки. В результате были получены подъёмный материал и артефакты из шурфа [Окладников, Ларичев, 1999, 23]. Скопированные наскальные изображения и их интерпретации были опубликованы [Окладников, Мазин, 1976, 78–79]. В последующие десятилетия памятник не изучался в силу пограничного режима и иных причин.

Илл. 1. Археологический памятник Калиновка на карте Амурской области.

Исследование было возобновлено в 2003 г. сотрудниками Лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета. Было установлено, что открытый в 1954 г. памятник представляет собой культовый комплекс. Культовый комплекс Калиновка включает расположенные по обоим берегам р. Калиновка скалы с наскальными рисунками и прилегающую территорию с остатками культурных отложений. Территория, которая находится у подножия скалы с изображениями на правом берегу, представляет собой ритуальную площадку, включающую жертвенники. Правобережная часть культового комплекса была названа при паспортизации «Калиновка, писаница-1», левобережная – «Калиновка, писаница-2».

В ходе дальнейшего обследования утёсов правого и левого берега были обнаружены новые петроглифы и внесены уточнения в некоторые реконструкции наскальных изображений, опубликованных А.П. Окладниковым и А.И. Мазиным. С 2005 г. на памятнике «Калиновка, писаница-1» осуществляются стационарные археологические работы, в ходе которых применяются стандартные методы. Новые данные частично опубликованы в статьях и монографии [Забияко, Кобызов, 2011, 167–172; Забияко, Кобызов, 2012, 33–36; Забияко, Беляков, Воронина, 2017, 197–210]. В данной статье отражены основные результаты археологических раскопок, произведённых в 2005–2014 гг. на памятнике «Калиновка, писаница-1». Наскальные изображения в статье не анализируются по причине ограниченного объёма публикации.

Стратиграфия памятника и общая характеристика коллекции артефактов

Площадь памятника, размеченная перед началом раскопок, составила 299 м². Периметр включает в себя скальный останец, шириной 11 м, высотой до 9 м, на южной стороне которого расположены древние изображения. Общая площадь раскопок к концу полевого сезона 2014 г. составила 60 м². Буквенные обозначения вскрытой площади начинаются с пикета С и заканчиваются пикетом Ы. Цифровые обозначения начинаются с пикета 14 и заканчиваются пикетом 20. Местом для репера была выбрана наиболее высокая поверхность, выступающая над остальной площадью, таким образом, что все нивелировочные отметки идут с отрицательными индексами.

Илл. 2. Калиновка. Археологический лагерь.

1. Устье р. Калиновка.

2. Археологический памятник Калиновка-1.

Илл. 3. Калиновка. Калиновка-1.

Общий вид культового комплекса.

Разметка площади памятника. 2006 г.

Илл. 4. Общий план. Раскопы 1, 2 и разведочная траншея. 2014 г.

Илл. 5. Калиновка–1. Фиксация находок в разведочной траншее. 2013 г.

Илл. 6. Калиновка–1. Фиксация глубины расположения находок при помощи нивелира. 2014 г.

Вся площадь вскрываемой поверхности была покрыта травянистой растительностью и слоем дёрна с включением мелких и крупных камней. Большое содержание камней также зафиксировано во всех литологических горизонтах, что в свою очередь затрудняло ведение работ. Необходимо отметить, что большой уклон поверхности приводит к постоянному движению (сползанию) скальных пород, а как следствие – к движению

археологического материала, о чём свидетельствует нахождение артефактов более позднего времени в нижних горизонтах. Под дёрном залегал слой тёмно-серого гумусированного суглинка толщиной – от 6 до 64 см. Его мощность в самой высокой точке раскопа минимальна, а в самой низкой уже максимальна. Возможно, это связано с большим уклоном поверхности и стоком осадков. Местами под дёрном залегал слой гумусированной пылеватой супеси толщиной от 6 до 16 см. Слой, по-видимому, образовывался из-за смешивания дёрна и гумусированного суглинка вследствие оползней. Ниже залегал слой светло-серой пылеватой супеси с включением мелких и крупных камней, а также массивных каменных блоков. Мощность слоя – 60–80 см. Слой светло-серой пылеватой супеси является основным (культурным) слоем, имеющим наибольшую концентрацию находок. Археологический материал был обнаружен во всех слоях за исключением материкового слоя. За материковый слой был принят горизонт коричневой супеси.

В результате раскопок общее количество обнаруженного археологического материала составило 4502 единиц. В том числе отщепы – 2050, фрагменты керамики – 926, ножевидные пластины (включая микропластины) – 478, мелкие фрагменты костей животных – 355, сколы – 316, колотая галька – 92, колотая галька под температурным воздействием – 81, окатанная галька – 45, остроконечники на микропластинах – 29, тесловидно-скребловидные орудия – 24, нуклеусы – 20, резцы – 15, ножи – 12, скребки – 10, заготовки орудий – 8, наконечники стрел – 11, свёрла – 5, остроконечники – 5, проколки – 5, провертки – 2, грузила – 2, изделия из кости – 3, ретушер – 1, металлическая серьга – 1, топор – 1, фаллический пест – 1, тесло – 1, антропоморфное изображение «Калиновская венера» – 1, каменная плитка со следами шлифовки – 1, плоскостное скульптурное изображение – 1.

В коллекции артефактов археологического объекта Калиновка–1 присутствуют три культурно-хронологических комплекса: эпоха палеометалла, осиноозёрская археологическая культура позднего неолита и слой гromатухинской археологической культуры, относящийся к раннему неолиту.

Радиоуглеродная датировка неолитического слоя по трём образцам – 9739 (± 137) л.н., 9926 (± 130) л.н., 9597 (± 131) л.н. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт ядерной физики СО РАН).

Артефакты, относящиеся к палеометаллу и позднему неолиту, были обнаружены в основном в верхней части культурных отложений. Однако, как уже отмечалось выше, ввиду специфичности памятника (его большого уклона и наличия скальных пород) находки более поздних эпох также находились в нижних слоях, но значительно реже. Целых форм сосудов обнаружено не было.

К находкам эпохи раннего железного века можно отнести два костяных изделия и фрагменты керамики с отогнутыми наружу венчиками [Болотин, Сапунов, Зайцев, 1997, 157]. Керамика имеет хорошо промешанное и плотное тесто. Металлическая серьга, обнаруженная в верхних слоях, также относится к поздним эпохам.

Илл. 7. Калиновка-1. Артефакты эпохи раннего железного века.

Обнаружено значительное количество фрагментов керамики, орнаментированной параллельными налепными валиками. Подобная орнаментация свойственна для осиноозёрской археологической культуры [Окладников, Деревянко, 1973, 40]. Орудия же, относящиеся к поздненеолитическому времени, единичны. Среди находок можно выделить халцедоновые ядрища; наконечники стрел, обработанные ретушью с двух сторон; вкладышное оружие.

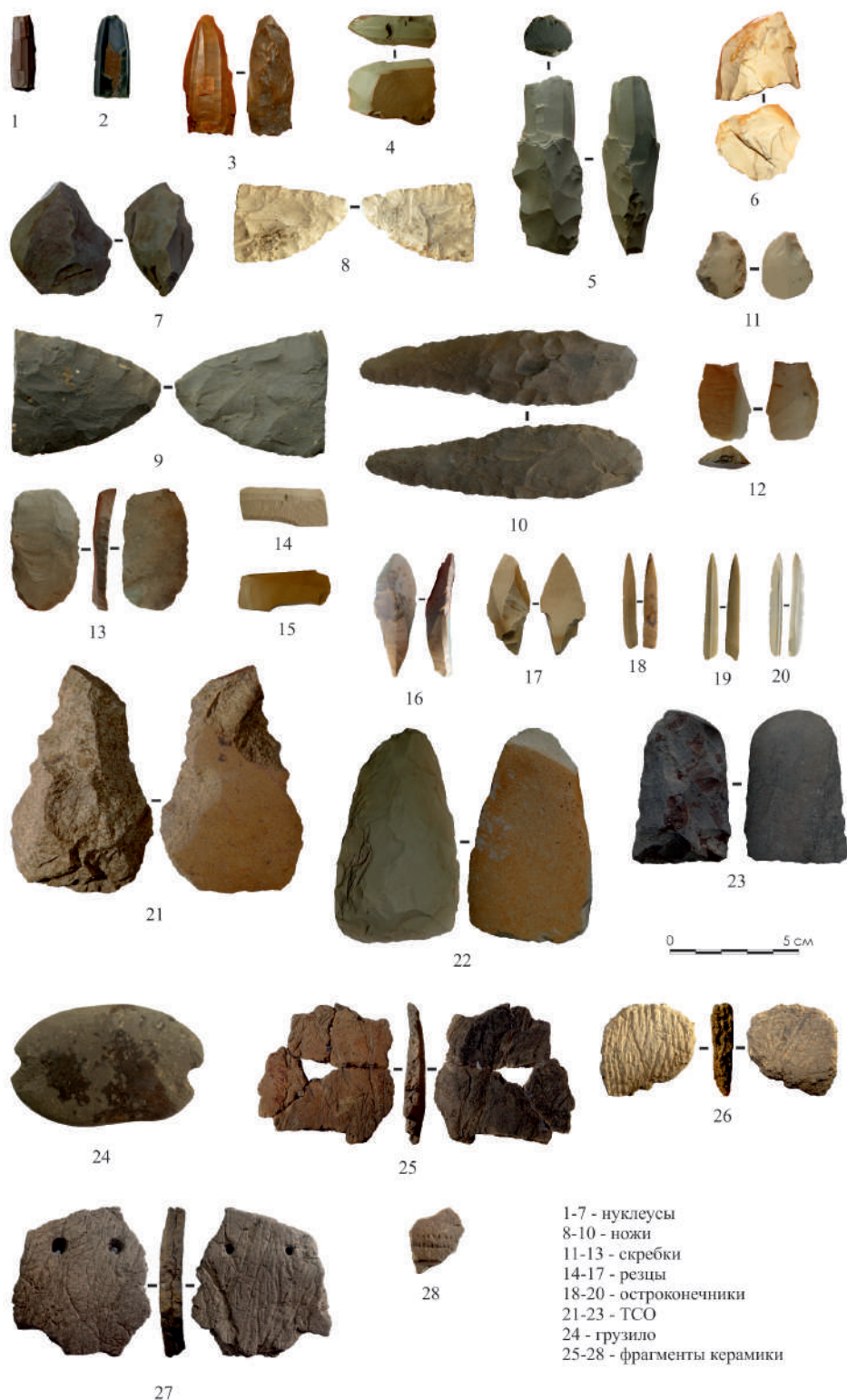
Основная масса археологического материала, в том числе орудийный комплекс, находилась в светло-серой пылеватой супеси. В слое также были обнаружены гальки, имеющие следы термального воздействия, что говорит об их возможном использовании в качестве очажных камней. Сравнительный анализ коллекции позволяет в большой степени отнести основной культурный слой памятника к грома-тухинской археологической культуре [Окладников, Деревянко, 1977, 121–122].

К наиболее типичным находкам, указывающим на принадлежность слоя к грома-тухинской культуре, относятся тесловидно-скребловидные изделия. Одна сторона орудий обработана сколами и мелкой краевой ретушью, а противоположная сохраняет естественную поверхность. Длина орудий от 6 до 13 см. В плане описываемые изделия имеют подтреугольную или подпрямоугольную форму.

Среди нуклеусов выделяются призматические – небольшие с круглой или

Илл. 8. Калиновка-1. Артефакты эпохи позднего неолита.

Илл. 9. Калиновка-1. Орудия эпохи раннего неолита, громатухинская археологическая культура.

овальной ударной площадкой, конусовидный, а также клиновидный. Значим для исследования экземпляр нуклеуса со следами снятия ножевидных пластин и на определённом этапе обломанных.

Скребки небольших размеров, изготовлены на отщепях, рабочая часть которых дополнительно обработана крутой ретушью. Один скребок обработан притупляющей ретушью по кругу.

Большая часть найденных на памятнике резцов относится к срединному типу, но есть также два боковых резца на ножевидных пластинах.

Ножи изготовлены из массивных заготовок, обработанных с обеих сторон широкими сколами.

Обращает на себя внимание большое количество ножевидных пластин и микропластин. Какая-то часть из них, возможно, использовалась в качестве орудий, определить функциональное назначение которых возможно после трасологического исследования.

В особую группу можно выделить остроконечники, изготовленные на ножевидных микропластинах. Ретушью у них со стороны брюшка обрабатывался только кончик острия.

Обнаруженные на памятнике два грузила изготовлены из плоских галек, обработанные с двух противоположных сторон сколами, образующими небольшие углубления.

Керамический комплекс представлен в основном незначительными фрагментами и скоплениями мелких обломков. Фиксируются черепки с отпечатками травы на поверхности. Есть фрагменты, где трава в формовочной массе хорошо заметна, а есть, где она отсутствует. Встречаются черепки и с гребенчатым узором. Однако, необходимо отметить, что имеется керамика, не нашедшая аналогий в культурах Приамурья, что, в свою очередь, делает перспективным в целом исследования керамики этого региона.

Предметы неутилитарного, культового назначения

Помимо орудий труда, в культурном слое памятника обнаружены культовые предметы и украшение.

Под скалой с наскальными изображениями в 2012 г. был найден предмет фаллической формы. Он представляет собой крупную гальку, имеющую признаки обработки (шлифовки), длиной 21 см и диаметром 8,5 см у основания и 4 см в верхней части. Каменный фаллос находился у подножия скалы в глубине ниши в одном слое с каменными изделиями, относящимися к ранненеолитической громатухинской культуре. Два из них представляют собой типичные для громатухинской культуры тесловидные орудия, одно из них – с признаками шлифовки. В нишу под скальным массивом эти предметы не могли попасть случайно, например, в результате утери. Они были положены сюда преднамеренно для регулярного использования. Возможно, вместе они образуют комплекс особо ценных для древнего человека вещей, вполне вероятно, ритуальных, которые хранились под скалой. В процессе обрядовых действий их извлекали и использовали в ритуальных целях. Фаллос в качестве священного объекта мог быть размещён на близлежащих каменных площадках, выполнявших в таком случае функцию алтаря. Нельзя исключать также, что фаллический предмет мог быть положен в нишу в качестве жертвы.

Разумеется, высказанное выше предположение о ритуальном сценарии использования фаллического предмета являются одной из возможных реконструкций, однако не подлежит сомнению, что он связан с фаллическим культом. К фаллическому культу относятся религиозные верования и практики, основанные на почитании мужской репродуктивной силы, явленной в образе полового органа, фаллоса. Мужская детородная способность является в фаллическом культе главным объектом сакрализации, а репрезентирующий её мужской детородный орган, фаллос – важнейшим сакральным образом. Древнейшие признаки существования фаллического культа восходят в разных регионах Евразии к палеолиту, во многих культурах этой эпохи появляются графические или объёмные изображения фаллоса, а также рисунки мужских фигур с утрированным половым органом.

1 - фаллический предмет, песч
2 - антропоморфное изображение «Калиновская венера»
3 - скульптурное изображение медведя
4 - изделие из кости

Илл. 10. Калиновка-1.
Предметы неутилитарного,
культового назначения.

Илл. 11. Калиновка-1.
Скала с наскальными рисунками
и ниша у подножия скалы.

Илл. 12. Калиновка-1. Ниша и артефакты.
1 – фаллический предмет.
2–3 – тесловидно-скребловидные орудия.
4 – тесло.

1 – тесло
2, 3 – тесловидно-скребловидное орудие

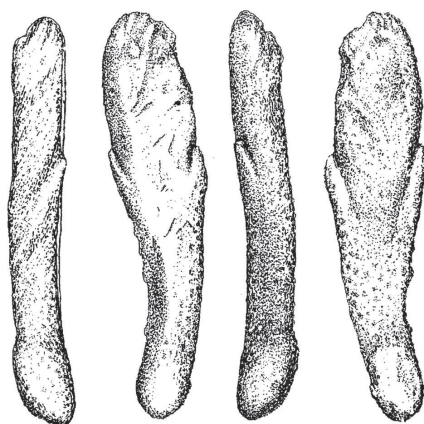
Илл. 13. Тесловидно-скребловидные
орудия и тесло.

Фаллический предмет, обнаруженный на Калиновке-1, – не единственная находка подобного рода в бассейне Амура. В ходе археологических раскопок на р. Селемдже (Средний Амур) на стоянке-мастерской Баркасная Сопка II была обнаружена изготовленная из камня фигурка рыбы, а на Баркасной Сопке III – каменный жезл с насечками. Жезл, как и фигурка рыбы, имеет удлиненную цилиндрическую форму. Форма этих изделий близка к фаллообразной. Памятники, на которых найдены эти предметы, относятся к селемджинской позднепалеолитической культуре (25–10 тыс. л.н.). Установлено, селемджинская культура была одним из источников развития гromатухинской культуры [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 27,

32–33, 100–103, 208; рис. LXXVI]. Не исключено, что в селемджинской культуре существовали представления об особой мужской детородной силе, воплощением которой выступали каменные предметы фаллической формы. Неоднократно фаллические каменные изделия археологи находили на неолитических памятниках Нижнего Амура – на поселениях Кондон, Воскресеновка [Окладников, 1983, 18; Окладников, 1972], Сучу, Гася [Деревянко, Медведев, 1993; Медведев, 2000], Хумми и пос. Попова [Лапшина, 2008, 127–131] и других. Новейший обзор и интерпретации фаллических скульптурных изображений Приамурья предложены в публикации В.Е. Медведева [Медведев, 2014]. Фаллообразные предметы и признаки фаллического культа в неолитическую эпоху обнаружены археологами в других регионах Дальнего Востока, например, в Приморье [Крупянко, Табарев, 2013].

Илл. 14. Калиновка–1. Ритуальное экспонирование фаллического предмета. Реконструкция.

Илл. 15. Каменная фигура. Селемджинская культура. Баркасная сопка II. По Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, 27; рис. LXXVI.

Многие из обнаруженных фаллических предметов квалифицируются авторами не только как культовые объекты – фаллосы, но и как песты, которые использовались для растирания или истолчения органических веществ. Полифункциональность фаллических предметов-пестов органично сочетает в своих смыслах идеи размножения, плодovitости, смерти и возрождения.

Ритуальное почитание фаллоса входило составной частью в мужские культы. Мужские культы представляют собой религиозные верования и практики, в которых идея мужского начала, мужской детородной силы, мужские образы и обряды с мужским участием играют доминирующую роль.

В четырёх метрах вдоль скалы в раскопе № 1 на глубине 70 см рядом с неолитическими артефактами был обнаружен небольшой халцедон. Рука человека его почти не коснулась, однако природа придала ему причудливую форму, похожую на контуры женской фигуры. Возможно, воображение древнего человека «достроило» образ этого предмета, превратив его в ритуальный объект, в культовый образ – халцедоновое изображение женского существа, «калиновской вены». Если такая интерпретация верна, тогда халцедоновая фигурка связана с женскими культурами. Женские культы – религиозные верования и практики, в которых идея женского начала, женские образы и обряды с женским участием (реальным или символическим) играют доминирующую роль. Древнейшие признаки существования женских культов восходят к эпохе палеолита. К этому периоду относятся изображения обнажённых женских фигур (глиняные, каменные, костяные статуэтки, барельефы) с утрированными

Объемные скульптурные изображения неолитических культур Приамурья. 1–5, 11, 12, 14–20 – Сучу; 6, 10, 13, 23 – Гася; 7, 8, 21 – Кондон-Почта; 9 – Харпичан; 22 – Гончарка-1 (по: Шевкомуд, Яншина, 2010); 24 – Баркасная Сопка II; 25 – Баркасная Сопка III (по: Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998). Масштаб разный.

Илл. 16. Объемные скульптурные изображения неолитических культур Приамурья. По Медведев, 2014, 295.

половыми признаками (преувеличенно больших размеров живот, тазобедренная часть, грудь). Эти так называемые «палеолитические вены» обнаружены в разных частях Евразии – Сибири, стоянка Мальта, до Западной Европы, стоянка Виллендорф и другие, что свидетельствует об универсальном характере связанных с ними представлений и практик. В течение всей последующей древности образы «венер» занимали видное место в культурах разных народов.

На Дальнем Востоке образцами таких культовых изображений являются «кондонская венера» и другие неолитические скульптурные женские образы. В настоящее время они обнаружены на многих неолитических памятниках Нижнего Амура. Нередко такие женские изображения причудливо сочетают в своём облике зооморфные, фаллические и иные признаки. «Таким образом, круглая скульптура уже в развитой форме существовала в Нижнем Приамурье в постпалеолитическое время, на заре эпохи неолита. Источники свидетельствуют о всестороннем проявлении культа плодородия в широком его понимании у носителей рассматриваемых культур региона. Искусству нижнеамурского неолита свойственна полиэikonичность и полисемантность, в группу антропоморфных изображений входят двуполые, а также антропозооморфные скульптуры» [Медведев, 2014, 296].

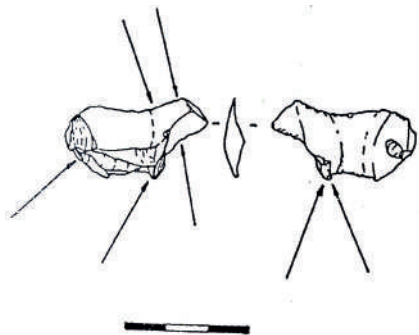
«Вены» являлись частью ритуального комплекса, ориентированного на почитание порождающего женского начала. Детородная способность женщин выступает в таких ритуальных комплексах основным объектом сакрализации. Генезис женских культов был обусловлен не только сексуально-репродуктивными основаниями человеческой жизни. Разделение труда между женщинами и мужчинами, появление специфических женских занятий накладывали отпечаток на формирование женских культов.

Характерно, что на Калиновке предметы, изображающие фаллос и женскую фигуру, найдены рядом друг с другом. Нельзя исключать, что в прошлом они могли находиться в культовой связи. Характерно, что во многих других случаях обнаружения фаллических предметов и женских скульптурных изображений они пребывали поблизости друг от друга – например, в пределах жилища № 3, раскопанного на поселении Кондон экспедицией под руководством А.П. Окладникова [Окладников, 1983, 17–18]. Первобытные «вены» – типичный образ древнейших религий, основанный на идее рождения, возрождения, жизни. Фаллические образы и культы – другая сторона рождения и жизни, фундаментальных данностей бытия, лежащих в основе исходных религиозных представлений. Во многих архаических культурах женские и мужские культы, направленные, прежде всего, на увеличение детородных способностей женщин и мужчин, рост численности семей и родов, соединялись в один мифо-ритуальный комплекс.

В 2014 г. на памятнике Калиновка–1 было найдено скульптурное изображение медведя. Изображение выполнено на отщепе серого (серо-зелёного) цвета с минимальной подработкой микросколами. Размер фигурки 4,5х3 см. Артефакт находился в неолитическом слое, относящемся к громатухинской культуре.

На Дальнем Востоке неоднократно в ходе археологических раскопок встречались изображения медведя, относящиеся к скульптуре малых форм (к мобильному искусству). Одно из наиболее древних изображений было найдено в 1968 г. на памятнике Устиновка–1 (Приморье) в позднепалеолитическом слое. Оно выполнено на отщепе с минимальной подправкой деталей. Материалом скульптурного изображения послужил мелкозернистый светло-коричневый туф. Другое изображение было обнаружено на памятнике Рудная Пристань (Тетюхе) в 1981–1984 гг. Оно выполнено на отщепе и отнесено к раннеолитическому времени. На Нижнем Амуре изображения медведей обнаружены, например, на памятниках малышейской культуры, относящейся к раннему – среднему неолиту, осиповской культуры раннего неолита и других. В 1994 г. на памятнике Малые Куруктачи (р. Буря, Средний Амур) фигурка медведя была обнаружена А.В. Табаревым. Изображение изготовлено из полупрозрачного жёлто-бурого халцедона размером 3,6х1,9 см. Оно выполнено на отщепе с минимальной подправкой в технике мелкофасеточной ретуши. Слой, в котором была обнаружена фигурка медведя, датирован концом палеолита. Примечательно, что найдено оно было в раскопе в непосредственной близости от древнего

кострища. «Таким образом, гипотетически мы можем предположить, – заключает А.В. Табарев, – что в искусстве Северо-Востока Евразии и Северной Америки традиция изображения медведей средствами палеоглиптики имеет очень древние, по всей видимости, позднепалеолитические корни и сохраняется на протяжении многих тысячелетий при изготовлении амулетов, оберегов, талисманов и игрушек, теряя постепенно первоначально существующую связь с ритуально-мифологической средой палеоазиатского пласта» [Табарев, 1995, 73].

Илл. 17. Скульптурное изображение медведя. Малые Куруктачи. По Табарев, 1995, рис. II.

распространён практически во всех регионах, где древний человек сосуществовал с этим животным. Он был представлен скульптурными и наскальными изображениями медведей и иными, доступными человеку в ту эпоху способами. Из существование культа медведя в эпоху палеолита указывают «медвежьих пещеры» и ритуальные экспозиции медвежьих черепов. Так, например, в центре так называемого Алтарного зала пещеры Шове (Франция) на каменном возвышении древними обитателями был помещён череп медведя. На основании радиоуглеродного анализа частиц угля, собранных с каменной подставки, на которой располагался череп, установлено, что деятельность людей в этом зале датируется временем 31–32 тыс. л.н. Французские исследователи допускают, что экспозиция медвежьего черепа имела характер религиозной деятельности, основанной на идее существования особой связи между человеком и медведем, который воспринимался людьми палеолитической эпохи «как посредник между мирами: миром людей и животных, миром подземным и надземным, миром живых и мёртвых» [Robert-Lamblin, 2005, 200–202].

В раскопе № 2 было найдено изделие из кости неутилитарного назначения. Участок, на котором был обнаружен предмет, характеризуется сложной стратификацией, обусловленной расположением камней, однако есть основания относить находку к основному для этой части раскопа неолитическому слою. Предмет выполнен из трубчатой расколотой кости 20 см в длину, принадлежавшей, вероятнее всего, крупному животному (изюбрь, лось). Вероятно, изделие из кости представляет собой рукоятку шаманской колотушки или скульптурное антропоморфное изображение – идола. Верхнюю часть изделия венчает вырезанное изображение. Плохая сохранность этой части изделия препятствует однозначной трактовке этого изображения, но вполне вероятно, что это – личина. Если выдвинутая версия связи предмета с шаманской атрибутикой верна, то он – важное материальное доказательство обрядового функционирования скалы с петроглифами. Из этнографического материала широко известно об особой роли петроглифов для шаманских ритуалов.

На Верхнем Амуре скульптурное изображение медведя было найдено на памятнике позднелитической осиноозёрской культуры Михайловка-Ключ. Оно искусно изготовлено с применением техники мелкофасеточной отжимной ретуши [История, 2008, 37–38]. Скульптурное изображение медведя памятника Калиновка-1, – второе, из числа обнаруженных на Верхнем Амуре, но оно древнее.

Изображения медведя имеют, разумеется, отчётливую связь с культом медведя. Культ медведя является составной частью зоолатрии – верований и ритуальных практик, в которых объектом почитания выступают животные. Зоолатрия – одна из наиболее ранних форм религии. Культ медведя был

Илл. 18. Скульптурное изображение медведя. Михайловка-Ключ. По «История Амурской области», 2005, 38, рис. 16.

К числу наиболее многочисленных артефактов, обнаруженных на археологическом памятнике Калиновка–1, относятся халцедоновые остроконечники, в том числе, изготовленные на микропластинах. Преимущественно остроконечники находятся в культурном слое, содержащем артефакты гromатухинской культуры. Размеры остроконечников, представляющих собой узкие заострённые пластины, невелики: длина в среднем около 35 мм, ширина в большинстве случаев около 3 мм в основной части, толщина – около 1,5 мм. Многие пластины в результате скола с ядрища изогнуты у острия.

Бесспорно, остроконечники могли использоваться в хозяйственной деятельности в качестве орудий для прокалывания шкур животных. Однако миниатюрность остроконечников, их изогнутая у острия форма, хрупкость материала, хотя и допускают такую возможность, всё же подталкивают к поиску и других способов применения этих изящных предметов.

В контексте культового функционирования скалы с наскальными изображениями, рядом с которой обнаружены остроконечники, нельзя исключить ритуальное использование этих предметов. Ранее одним из авторов статьи высказывалось предположение, что остроконечники применялись в качестве игл для нанесения татуировок [Забяко, 2011].

Практика нанесения краски, шрамов или татуировок на тело уходит, как известно, в глубокую древность и традиционно имеет повсеместное распространение [см., например: Dinter, 2007]. Знаки, выполненные окрашиванием кожи или татуажем, несли важный символический и магический смысл. Процедура нанесения знаков отправлялась в традиционных обществах как религиозный ритуал и сопровождала, по общему правилу, обряды жизненного цикла, а также другие религиозно значимые события индивидуальной или коллективной жизни. Наскальные рисунки и окружающее их ближайшее пространство зачастую функционировали в качестве ритуальных комплексов. Не исключено, что рядом с наскальными изображениями проводились ритуалы инициаций и другие обряды, предполагавшие наряду с прочим татуирование, шрамирование или окрашивание тела. Некоторые наскальные рисунки выступали образцами, с которых копировались изображения на теле. Сходство здесь не только в содержании и форме сравниваемых феноменов – наскальных рисунков и рисунков на теле. Техники нанесения изображений на тело человека близки техникам создания наскальных рисунков. Петроглифирование, «резание» камня, и шрамирование, в сущности, вообще едины. Функционально многие образы наскальных композиций несли, очевидно, нагрузку, аналогичную предназначению многих символических изображений на человеческом теле, которые выступали апопоеями, вместилищами духов и сил, знаками принадлежности группе и т.д.

Предметы, применявшиеся при священнодействиях, в утилитарной практике, как правило, не использовались. Они причастны иному миру, в его пределах они и должны пребывать. Поэтому остроконечники – иглы для татуажа – после каждого очередного ритуального употребления участники священнодействия оставляли в священном месте. Где они в нашем случае и были обнаружены.

Косвенным подтверждением выдвинутой концепции ритуального назначения остроконечников памятника Калиновка–1 может служить то, что население гromатухинской культуры состояло, вероятнее всего, из представителей палеоазиатской группы. Этнографические данные свидетельствуют, что потомки древних палеоазиатов твёрдо придерживались практики татуажа.

Так, русский археолог и этнограф С.И. Руденко фиксировал эту традицию у азиатских эскимосов: «Летом 1945 г., занимаясь археологическими исследованиями на берингоморском побережье Чукотского полуострова, я посетил все эскимосские посёлки. В отличие от береговых чукчей у эскимосов я повсюду видел татуировку

Илл. 19. Калиновка.
Остроконечник.

как на лицах, так и на руках, особенно распространённую среди женщин. На севере, в районе мыса Дежнёва, она не сложная: обычно несколько вертикальных прерывистых линий покрывают подбородок; иногда у углов рта имеются кружки. Напротив, на юге, от мыса Чаплина до посёлка Сирэник на западе, татуировка часто встречается довольно сложная, двумя линиями идущая от лба вдоль носа, покрывающая нередко обе щёки, подбородок, кисти с запястьем и предплечья рук. [...] Азиатские эскимосы в настоящее время не татуируются, но лет десять-пятнадцать назад обычай этот был общераспространённым. Татуировались девушки с наступлением половой зрелости, до замужества. Наносимые узоры служили общепринятым украшением. Впрочем, неузорная татуировка, татуировка простыми линиями наносилась, да и теперь ещё наносится, на заболевшие члены с медицинской целью как женщинами, так и мужчинами. С той же целью на лбу над бровями наносились схематические изображения человечков при нервных заболеваниях» [Руденко, 1949, 149]. Сопоставив свои наблюдения и зарисовки с материалами первых этнографических сборов российской экспедиции Биллингса – Сарычева (1785–1793 гг.), исследователь приходит к обоснованному заключению: «Таким образом, татуировка, до малейших деталей сходная с сохранившейся до наших дней, практиковалась у азиатских эскимосов по крайней мере двести лет назад. Такая стойкость этого обычая, отсутствие какой бы то ни было эволюции как в общей композиции, так и в частных элементах рисунка, несмотря на существенные изменения, происшедшие за это время как в материальной культуре, так и в общественном строе народа, свидетельствуют о большой древности этого обычая» [Руденко, 1949, 153]. Известно, что татуаж был распространён среди многих других народов Сибири, Дальнего Востока и других территорий, где существовала традиция создания наскальных изображений.

Следует заметить, что отдельные фрагменты общей композиции и основные частные элементы рисунка эскимосских татуировок аналогичны некоторым типичным компонентам наскальных изображений северо-востока Евразии. Объём статьи не позволяет нам в полном объёме раскрыть эту важную для исследования древних и традиционных культур тему.

Выводы

Археологический памятник Калиновка писаница–1 занимает в ряду громадухинских памятников особое место. Археологическая коллекция данного памятника существенно расширяет наши знания не только о разнообразии технологий изготовления и использования каменных орудий, но также об искусстве и религии раннеэнеолитических охотников Приамурья. Калиновка–1 представляет собой культовый комплекс, включающий наскальные рисунки, ритуальную площадку, жертвенник. Это первый и пока единственный памятник громадухинской культуры, имеющий чётко выраженное отношение к неутилитарным практикам древних обитателей Верхнего и Среднего Амура. Обнаруженные в ходе раскопок предметы неутилитарного характера позволяют с высокой степенью вероятности предполагать существование в деятельности неолитических жителей Амура верований и практик, направленных на почитание жизни, рождения и возрождения. Такого рода верования и практики репродуктивной магии бытовали в форме мужских и женских культов, опредмеченным выражением которых выступали изображения фаллоса и «венеры». Есть вещественные основания допускать существование в религиозной жизни неолитических таёжных охотников медвежьего культа. Очевидно, эти верования и культы дополнялись ритуалами инициаций, лечебной магии и иными практиками, составной частью которых был татуаж. Дальнейшее археологическое исследование памятника будет способствовать расширению знаний о неолитических культурах Приамурья и верификации теоретических интерпретаций.

Библиографический список

1. Болотин, Д.П. Новые памятники раннего железного века на Верхнем Амуре / Д.П. Болотин, Б.С. Сапунов, Н.Н. Зайцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1997 г.). – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 155–159.
2. Деревянко, А.П. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.) / А.П. Деревянко, В.Е. Медведев. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1993. – 110 с.
3. Деревянко, А.П. Селемджинская позднелитическая культура / А.П. Деревянко, П.В. Волков, Ли Хонджон. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 336 с.
4. Забияко, А.П. Артефакты Громатухинской культуры памятника Калиновка писаница–1 и проблема датировки наскальных рисунков / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сборник научных статей. – Уссурийск: УГПИ, 2011. – С. 167–172.
5. Забияко, А.П. Наскальные рисунки и татуаж / А.П. Забияко // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб., М., Великий Новгород: Институт истории материальной культуры РАН, 2011. – С. 146–147.
6. Забияко, А.П. Наскальные рисунки Калиновки: идентификация и датировка культового комплекса / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов // Методика исследования культовых комплексов: сборник статей / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012. – С. 33–36.
7. Забияко, А.П. Народы и религии Приамурья / А.П. Забияко, А.О. Беляков, А.С. Воронина, Е.А. Завадская, Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева, В.С. Матюшенко, О.В. Пелевина, К.И. Родионова, Н.В. Чирков; под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2017. – 424 с.
8. История Амурской области с древнейших времён до начала XX в. / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск: ООО Издательская компания РИО, 2008. – 424 с., илл.
9. Крупянко, А.А. Ранние проявления ритуально-символической деятельности в культурах каменного века Дальнего Востока России / А.А. Крупянко, А.В. Табарев // Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 3–14.
10. Лапшина, З.С. Дальний Восток России – Япония: образы первобытного искусства как отражение стадильности в развитии архаического сознания / З.С. Лапшина // Традиционная культура востока Азии. Выпуск 5 / отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. – Благовещенск: Издательство Амурского государственного университета, 2008. – С. 121–131.
11. Медведев, В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних / В.Е. Медведев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56–69.
12. Медведев, В.Е. Объёмная скульптура в неолите Приамурья / В.Е. Медведев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Том I (часть 1) / отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. – Казань: Отечество, 2014. – С. 293–296.
13. Окладников, А.П. Отчет о раскопках древнего поселения у села Вознесенского на Амуре, 1966 / А.П. Окладников // Материалы по археологии Сибири и Дальнему Востоку. Ч. 1. Сб. научных трудов. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1972. – С. 3–35.
14. Окладников, А.П. Громатухинская культура / А.П. Окладников, А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1977. – 284 с.
15. Окладников, А.П. Осиноозёрская культура на Среднем Амуре / А.П. Окладников, А.П. Деревянко // Материалы по истории Дальнего Востока: история, археология, этнография, филология. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, 1973. – С. 33–42.
16. Окладников, А.П. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья / А.П. Окладников, А.И. Мазин. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1976. – 192 с.
17. Окладников, А.П. Древнее поселение Кондон (Приамурье) / А.П. Окладников. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1983. – 160 с.
18. Руденко, С.И. Тагуировка азиатских эскимосов / С.И. Руденко // Советская этнография. – 1949. – № 1. – С. 149–154.
19. Табарев, А.В. Исследование палеолитического памятника Малые Куруктачи в Амурской области / А.В. Табарев // Традиционная культура востока Азии: археология и культурная антропология. Выпуск 1 / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Издательство Благовещенского гос. пед. института, 1995. – С. 70–75.

20. Dinter, M.H., van. Histoire illustrée du tatouage à travers le monde / M.H. van Dinter. – Paris: Éditions Désiris, 2007. – 288 p.
21. Robert-Lamblin, J. La symbolique de la grotte Chauvet-Pont-d'Arc sous le regard de l'anthropologie / J. Robert-Lamblin // La grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc: un bilan des recherches pluridisciplinaires. Actes de la Séance de la Société préhistorique française, 11 et 12 octobre 2003, Lyon. – Bulletin de la Société préhistorique française. Année 2005. Volume 102. Numéro 1. – P. 199–207.

Текст поступил в редакцию 30.08.2017.

References

1. Bolotin D.P., Sapunov B.S., Zaytsev N.N. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Materialy V Godovoy itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. Dekabr' 1997 g.)* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories (Proceedings of the Fifth Annual Final Session of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, December 1997)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 1997, pp. 155–159 (in Russian).
2. Derevianko A.P., Medvedev V.E. *Issledovanie poseleniya Gasya (predvaritel'nye rezul'taty, 1980 g.)* [Studying of the Gaxia Settlement (preliminary results)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 1993, 110 p. (in Russian).
3. Derevianko A.P., Volkov P.V., Li Heonjong. *Selemdzhinskaya pozdnepaleoliticheskaya kul'tura* [The Selemdzha Late Paleolithic Culture]. – Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 1998, 336 p. (in Russian).
4. Zabiyako A.P., Kobyzov R.A. *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Sbornik nauchnykh statey* [Actual Problems of the Archeology of Siberia and the Far East: Collection of Scientific Papers]. Ussuriysk: UGPI, 2011, pp. 167–172 (in Russian).
5. Zabiyako A.P. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the Third (Nineteenth) All Russian Archeological Scientific Meeting]. St. Petersburg, Moscow, Velikiy Novgorod: Institut istorii material'noy kul'tury RAN, 2011, pp. 146–147 (in Russian).
6. Zabiyako A.P., Kobyzov R.A. *Metodika issledovaniya kul'tovykh kompleksov: sb. st.* [Methods of Studying Cultic Complexes: Collection of Papers]. Ed. A.A. Tishkin. Barnaul: OOO «Pyat' plus», 2012, pp. 33–36 (in Russian).
7. Zabiyako A.P., Belyakov A.O., Voronina A.S., Zavadskaya E.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Matyushchenko V.S., Pelevina O.V., Rodionova K.I., Chirkov N.V. *Narody i religii Priamur'ya* [Peoples and Religions of the Amur Region]. Ed. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gosuniversiteta, 2017, 424 p. (in Russian).
8. *Istoriya Amurskoy oblasti s drevneyshikh vremen do nachala XX v.* [The History of Amur Oblast from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century]. Ed. A.P. Derevianko, A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: OOO Izdatel'skaya kompaniya RIO, 2008, 424 p. (in Russian).
9. Krupyanko A.A., Tabarev A.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 2, pp. 3–14 (in Russian).
10. Lashina Z.S. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii* [Traditional Culture of the East of Asia]. Vol. 5. Ed. D.P. Bolotin, A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, pp. 121–131 (in Russian).
11. Medvedev V.E. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2000, no. 3, pp. 56–69 (in Russian).
12. Medvedev V.E. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda. Tom I (chast' 1)* [Proceedings of the Forth (Twentieth) All Russian Archeological Scientific Meeting. Vol. 1 (part 1)]. Ed. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevianko. Kazan: Otechestvo, 2014, pp. 293–296 (in Russian).
13. Okladnikov A.P. *Materialy po arkheologii Sibiri i Dal'nemu Vostoku. Ch. 1. Sb. nauchnykh trudov* [Materials on the Archeology of Siberia and the Far East. Part 1. Collection of Works]. Novosibirsk, Izd-vo «Nauka», 1972, pp. 3–35 (in Russian).
14. Okladnikov A.P., Derevianko A.P. *Gromatukhinskaya kul'tura* [The Gromatukha Culture]. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka» Sibirskoe otdelenie, 1977, 284 p. (in Russian).
15. Okladnikov A.P., Derevianko A.P. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka: istoriya, arkheologiya, etnografiya, filologiya* [Materials on the History of the Far East: History, Archeology, Ethnography, Philology]. Vladivostok: In-t istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO AN SSSR, 1973, pp. 33–42 (in Russian).
16. Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ya* [The Petroglyphs of the Olyokma and Upper Amur Region]. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka», 1976, 192 p. (in Russian).
17. Okladnikov A.P. *Drevnee poselenie Kondon (Priamur'e)* [The Ancient Kondon Settlement (the Amur Region)]. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka», 1983, 160 p. (in Russian).
18. Rudenko C.I. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1949, no. 1, pp. 149–154 (in Russian).
19. Tabarev A.V. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii: arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Traditional Culture of the East of Asia: Archeology and Cultural Anthropology]. Ed. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Blagoveshchenskogo gos. ped. instituta, 1995, pp. 70–75 (in Russian).
20. Dinter H.M., van. *History Illustrated With Tattoo across the World* [Histoire illustrée du tatouage à travers le monde]. Paris: Éditions Désiris, 2007, 288 p. (in French).
21. Robert-Lamblin J. *Newsletter of the French Prehistoric Society* [Bulletin de la Société préhistorique française]. 2005, vol. 102, no. 1, pp. 199–207 (in French).